

тыми и ранеными, турки — 35 тысяч убитыми); на 9-й день после этого турки возобновили нападение; через 25 дней после этого произошел взрыв подкопов, устроенных греками. Так было до 6 мая, когда туркам удалось сделать пролом в стене. Подсчитав эти цифры, мы получим, что до 6 мая, когда был сделан пролом, от начала осады прошло 89 дней, а прибавив сюда еще 24 дня — с 6 по 29 мая — до взятия города, получим, что осада длилась 113 дней, а не 57—59, как выходит по иноязычным источникам. Стало быть, и с этой стороны хронология повести доверия не внушает: в ней несомненно есть ошибки, неточности. Где и когда произошли эти ошибки и неточности, мы не можем определить.

Указываются исследователями и другие — на этот раз менее важные — недочеты повести (каковы, например, сведения о количестве павших с той и другой стороны, об имени тогдашнего патриарха, о жене Константина и т. п.). Но все эти недочеты повести, сохранившей свидетельства современника, притом близкого к самому месту событий, не лишают повесть значения важного исторического источника для изучения взятия Константинополя в 1453 году. Ценность ее заключается главным образом в сообщениях о самых перипетиях борьбы, отдельных моментах, в том, что она не только подтверждает, но и дополняет многие известия, сообщаемые иноземными источниками. В этом отношении повесть приходится сопоставлять прежде всего с записками Г. Франтцы,¹ не только современника, но отчасти и участника самих событий: он пережил осаду в городе, уцелел при взятии города и на старости лет по просьбе окружающих написал то, что знал и помнил об этом горестном для греков событии.² Таким образом, Франтца принадлежал к кругу тех лиц, от которых Нестор Искандер, попавший в Константинополь с турками после его взятия, мог собирать свои сведения о том, что происходило в городе во время осады. Но едва ли Франтца непосредственно сообщал Нестору эти сведения, хотя оба они часто говорят об одном и том же и в общем одно и то же, но с различными деталями, с различной обстоятельностью. Это объясняется скорее всего различием в положении того и другого мемуариста.

Искандер, находясь в турецком лагере, был лучше Франтцы осведомлен о том, что происходило там, мог многое не только слышать, но и видеть, а о константинопольских делах он мог только из чужих уст и некоторое время спустя собрать, хотя и очень внимательно, сведения для своих записок.

Франтца, сам многое видевший и, кроме того, имевший также возможность получить сведения о константинопольских делах от других по свежим следам, хуже Искандера был осведомлен в турецких делах.

Кроме того, задачи того и другого были различны. Политик Франтца поставил себе целью изложить историю падения Византии, где самая

¹ Сочинение Франтцы под заглавием „Хроника Протогестария Георгия Франтцы“ помещено в „Corpus scriptorum historiae Byzantinae“, изданном Б. Г. Нибуром в Бонне, в 1838 году.

² Франтца не мог уехать из Константинополя, когда к нему подступал Магомет, по взятии города был в турецком плену, выкупился и постригся в монахи около 1462 года на о. Корфу, где и описал то, „что видал собственными глазами или слышал, или читал“ (там же, стр. 453). Когда он писал свою „Историю“, ему было 85 лет. В изложении своем он — политик определенного направления: ревностный защитник православия, враг унии, поэтому недолюбливает „латинян“ (сторонников унии) и своей вражды к ним не скрывает. В этом отношении он не мог быть вполне объективным историком. Данные о Франтце заимствуются мною из книги М. Стасюлевича „Осада и взятие Византии“ (СПб., 1853). Осаде и взятию Константинополя в „Истории“ Франтцы посвящена главным образом третья книга.